

УДК 821.161: 303

*В.Н. Даренская***ИСТОРИОСОФСКИЙ СИМВОЛ РОССИИ В СОВЕТСКОЙ ПОЭЗИИ 1940-х ГОДОВ**

В статье анализируется образ России как священной Родины, запечатленный в творчестве ведущих русских поэтов 1940-х гг., которые связывали с ним не только военную тематику, но возвысили до историософского символа. Рассматриваются творчество И. Сельвинского (стихотворение «России» и Пролог к драматической трилогии «Россия») и Б. Пастернака (стихотворение «Неоглядность»). Показана важная роль этой страницы истории русской поэзии XX в., ее парадигмальность для историософского понимания России. Рассмотренные тексты И. Сельвинского и Б. Пастернака отличаются классической ясностью. Они написаны в период, когда оба поэта уже пережили увлечение модернизмом и обратились к классической традиции. При этом формирование патриотического чувства происходило параллельно с возвращением к классической поэтике, что и знаменовало переход к традиционному мировосприятию.

Ключевые слова: Россия, историософия, символ, священная Родина, И. Сельвинский, Б. Пастернак.

Есть в России то, что родины дороже,
Что делает ее святынею для всех...
Какие ж трусы и врали
О нашей гибели судачат?
Убить Россию – это значит
Отнять надежду у Земли.

И. Сельвинский

В годы Великой Отечественной войны в советской поэзии одним из центральных стал образ России как священной Родины. В поэмах и стихотворениях ряда ведущих русских поэтов образ России связывался не только с военной проблематикой, но наполнился историософским смыслом, отличным от революционной поэтической историософии 1920–1930-х гг., первые образцы которой были представлены в поэмах В. Маяковского. Со второй половины 1930-х гг. в советской идеологии и культуре намечается поворот к патриотизму. Одним из знаковых событий этого процесса стало празднование на общегосударственном уровне 100-летия со дня смерти А.С. Пушкина. С этого времени русские советские поэты, не отказываясь от поиска радикально новой социалистической поэтики, начинают возвращаться к классическим образцам русской поэтической традиции.

Примеры такого возвращения к традиционному поэтическому образу великой России как священной Родины, имеющей особое всемирно-историческое значение, находим в творчестве И. Сельвинского (стихотворение «России», написанное на фронте в 1942 г., работа над драматической трилогией «Россия»). В 1944 г. была опубликована первая часть этой трилогии «Ливонская война», а затем вторая и третья – «От Полтавы до Гангута» (1949) и «Большой Кирилл» (1957). В качестве историософской модели, отражающей становление великой России, поэт взял Петровскую эпоху. Другим важнейшим образцом поэтической историософии Родины стало стихотворение Б. Пастернака «Неоглядность», начатое в 1936 г., а завершенное только в 1944-ом. Эти произведения являются предметом нашего анализа, поскольку позволяют понять принципы переосмысления традиционного образа России как священной Родины в новых исторических условиях. Поскольку такое переосмысление происходит и в наше время, тем самым, актуализируется опыт предшественников. Историософский символ России в указанных произведениях мы рассматриваем в контексте эволюции поэтики этих авторов.

Как отмечает И.Л. Бражников в монографии «Русская литература XIX-XX вв.: историософский текст», «проблема историософского содержания художественной литературы находится в начальной стадии разработки. За минувшее десятилетие в научный оборот были введены такие понятия, как художественная историософия, поэтическая историософия, историософская поэзия... Поэтическое восприятие истории, или, если иначе, *поэтическая историософия*, оказывается в России первичной. На это восприятие уже как бы «накладываются» прозаические пласты, разрабатывающие историософские темы» [3. С. 5; 7]. В монографии отмечена принципиальная важность поэтического осмысления революции 1917 г. для становления русской поэтической историософии, но не описан поворот к патриотизму и

к классической поэтике, произошедший в поэзии 1930–40-х гг. О. Резник показал, что в это время Сельвинский обращается к пушкинской поэтике: «Россия и русский народ тоже выступают у Сельвинского в духе пушкинской традиции, как объединители народов. Но Сельвинский дает уже новое, современное истолкование “всемирности” России, ее исторического значения» [8. С. 6]. В.Н. Альфонсов писал, что «мысль о России, о присущем ей “духе широты и всечеловечности”, никогда не получала у Пастернака такого открытого выражения, как в творчестве периода войны» [1. С. 244]. Д. Быков также отметил этот период в эволюции творчества Б. Пастернака: «чувствуется, что произнесение слова “русское” доставляет автору и герою физическое наслаждение... Национальное для него – все еще синоним свободы и расцвета» [4. С. 512]. Таким образом, вектор развития поэтического творчества И. Сельвинского и Б. Пастернака в период войны оказался одинаковым. И следующая характеристика может быть одинаково отнесена к обоим поэтам: «по охвату исторических эпох и национальных культур творчество Сельвинского представляет совершенно особое явление (...) симфоничность Сельвинского проявлялись и в том, что в своих произведениях он часто ставил и решал задачи, выходявшие за пределы их частного, конкретного замысла и имевшие важное значение для развития русской поэзии, русской поэтической речи в целом» [5. С. 26]. Рассмотрим это на примере указанных произведений.

Для русских советских поэтов периода 1940-х гг. возвращение к тому пониманию Родины, которое было связано с погружением в глубины ее тысячелетней истории, стало трудной, но очень вдохновляющей задачей. Необходимо было эту тысячелетнюю историю представить не «проклятым прошлым», а истоком и основой исторических свершений России в XX веке. И в первую очередь преемственность просматривалась в разработке темы трагических испытаний народа, в которых он снова смог бы выстоять, как это много раз случалось в истории. Так, в стихотворении И. Сельвинского «России» нарисована картина трагических испытаний: «Взлетел расщепленный вагон! / Пожары... Беженцы босые... / И снова по уши в огонь / Вплываем мы с тобой, Россия. / Опять судьба из боя в бой / Дымком затянется, как тайна, – / Но в час большого испытанья / Мне крикнуть хочется: “Я твой!”». Единство с Родиной достигается не путем «естественной» привычки или через чувство гордости от осознания ее величия, а благодаря сопереживанию ее тяготам и утратам. Так формируется жертвенный, одухотворенный патриотизм.

Благодаря обращению к судьбе России поэт переживает обновление своей души, словно возвращается в молодость: «Я твой. Я вижу сны твои, / Я жизнью за тебя в ответе! / Твоя волна в моей крови, / В моей груди не твой ли ветер? / Гордясь тобой или скорбя, / Полуседой, но с чувством ранним, / Люблю тебя, люблю тебя / Всем пламенем и всем дыханьем». Поскольку через чувство любви к Родине происходит преодоление страха и неуверенности, то лирический герой словно переживает «второе рождение».

Через призму этого чувства поэт воспринимает и обычный пейзаж России, и ее людей. О русских женщинах он говорит: «их любовь не полюбят: / Всегда событие! Вечно мета! / Россия... За одно за это / Тебя нельзя не полюбить». Возвышенно в социальном многообразии изображается российский народ: «Люблю стихию наших масс: / Крестьянство с философской хваткой. / Станину нашего порядка – / Передовой рабочий класс, / И выношенную в бою / Интеллигенцию мою – / Все общество, где мир впервые / Решил вопросы вековые». Понятно, что решение «вопросов вековых» поэт понимает в рамках советской идеологии, однако его поэтическая сентенция имеет универсальный характер, поскольку забота о «вопросах вековых» всегда составляла особенность русской культуры, независимо от идеологических ориентаций. Она в полной мере проявилась в героях русской литературы XIX в.

Духовная преемственность эпох дана поэтом через образ русского Простора, который понят не только географически, но как главное свойство национального духа и характера: «Люблю великий наш простор, / Что отражен не только в поле, / Но в революционной воле / Себя по-русски распростер: / От декабриста в эполетах / До коммуниста Октября / Россия значилась в поэтах, / Планету заново творя».

В свою очередь простор русского Духа создается непрестанной борьбой за Правду, борьбой с мировым злом: «И стал вождем огромный край / От Колымы и до Непрядвы. / Так пусть галдит над нами грай, / Черня привычную неправдой, / Но мы мостим прямую гать / Через всемирную трясицу, / И ныне воспрять Россию – / Не человечество ль принять?». Утверждение России как центра мировой истории является логическим выводом из тех образов, которые поэт развернул ранее. Здесь нет советского идеологического толкования – особый духовный статус России в мире поэт усматривает как ее извечное свойство, которое в разные эпохи проявляется по-разному. В этом свойстве заключена незыблемая сила России, невозможность ее гибели даже в самых тяжелых исторических обстоятельствах:

Какие ж трусы и ввали
 О нашей гибели судачат?
 Убить Россию – это значит
 Отнять надежду у Земли.

В удушье денежного века,
 Где низость смотрит свысока,
 Мы окрыляем человека,
 Открыв грядущие века.

Последняя строфа содержит очень важную поэтическую формулу всей русской истории и специфики русской цивилизации. Эта «формула» отличается классической глубиной, простотой и ясностью: всемирно-историческая роль России неизменно состоит в том, чтобы не позволять захватить власть над миром и над людскими душами тем силам, для которых человек превращен в сугубо материальное существо, озабоченное исключительно низкими и корыстными целями. Россия всегда противостоит «удушью денежного века», переворачиванию ценностей, при котором низкое объявляется высшим, а высшее высмеивается и подавляется – и поэтому «низость смотрит свысока». И если в советское время это связывалось с определенной идеологией, то в другие эпохи эта специфика России выступает как ее универсальное нравственное качество.

В приведенных строках очевидна смелость поэта, создающего историсофские обобщения. На эту смелость обратили внимание исследователи: «яркая черта творчества Сельвинского – максимализм. Он проявляется в стремлении сказать о самом главном, вечном, имеющем непреходящее значение, охватить явления действительности как можно более широко, строя свой образ на сопоставлении контрастных, крайних явлений» [7. С. 174]. Поэтическая смелость, проявившаяся в стихах о России, едва не закончилось для поэта трагически. Как пишет М. Эндель, «Сельвинский множество раз подвергался опале, одно из его стихотворений, в котором поэт признается в любви к Родине, воспекает ее, чуть не стоило ему жизни. В конце 1943 года Сельвинский был отозван из армии в Москву, где в Секретариате ЦК ВКП(б) рассматривали его личное дело. Поводом стали несколько стихотворных строк из стихотворения “Кого баюкала Россия”: “Сама, как русская природа, / Душа народа моего: / Она пригреет и урода, / Как птицу выходит его, / Она не выкурит со света, / Держась за придури свои, – / В ней много воздуха и света / И много правды и любви”. От поэта требовали объяснить, что означает строчка “Страна пригреет и урода”? Делом заинтересовался сам Сталин, и Сельвинского спасла от гибели лишь словесная находчивость» [10]. Приведенные строки поэта, неправильно трактованные «наверху» вследствие явного отсутствия слуха к поэтическому языку, на самом деле очень важны для понимания того образа России, который создан поэтом. В словесной формуле: «Она пригреет и урода, / Как птицу выходит его» – заключена мысль о том, что Россия способна «врачевать душу», преобразовать человека, стимулировать его к проявлению лучших качеств.

Позднее, в «Прологе» к драматической трилогии «Россия», И. Сельвинский развернул поэтический образ России на большей глубине философских обобщений и на более широком историческом материале. Здесь утверждается, что Россия не только занимает особое место в мире, но и представляет собой целый мир:

Сторонка всякая по-своему красива,
 А дедов край везде и всюду мил...
 Мы не страну в тебе боготворим, Россия,
 Ты больше, чем страна: ты – мир!

Россия представляет собой целый мир не потому, что она географически большая и вмещает в себя множество разнообразных народов, а в силу сакральности ее духовного и исторического опыта:

Есть в России то, что родины дороже,
 Что делает ее святынею для всех.

Поэт пишет о России:

В тебе судьба всего земного шара,
 Твоя дорога – словно Млечный Путь...

В этих поэтических формулах утверждается, что в истории России в наиболее концентрированной, трагической и жертвенной форме проявляется «судьба всего земного шара». Отражая мировые тенденции развития, Россия берет на себя миссию противостояния злу, именно здесь это противостояние достигает высшего напряжения, приобретает размах и глубину вселенской борьбы и трагедии. Поэтому даже в гипотетическом будущем, где, как думает поэт, сотрутся различия народов и цивилизаций, Россия останется важна и интересна этой своей спецификой, в которой заключается тайна ее истории:

Когда разноречья араба и чеха
Срастутся в единый язык Человека,
И только к пейзажу великий итог
Сведет проблему Запад – Восток,
Тогда-то будущие поколения
Спросят, подняв летописный груз:
Что же это было за дивное племя – Русь?

После взлета на вершину историософского видения мировой миссии России мысль поэта движется в обратном направлении. Он задается вопросом, каким образом эта миссия сформировалась и сохраняется в веках: «Татарщина, боярщина, крепостное право, / Горб недоимок, падеж, недород... / Но как ухитрился в сермяжке дырявой / Душу сберечь этот странный народ? / Совести как сохранил постоянство, / Хоть одолели тюрьма да сума? / С горя впадая в дремучее пьянство, / Как он в туманах не пропил ума?». В этих строках отчасти проявилась историческая мифология советского времени, когда всячески преувеличивались негативные черты быта народа и степень его социальной несвободы. Однако поэт подчеркивает, что специфически российской чертой является непокорность народа обстоятельствам:

Как он, поникнув лихой головою,
Тише воды и ниже травы,
Вдруг свою долю метал трын-травой,
В грозный час не щадя головы?..

Именно это парадоксальное сочетание смирения и свободолюбия многие русские мыслители выделяют в качестве основной черты русского национального характера, которая самым фундаментальным образом повлияла на историческую судьбу России. Смирение – это результат тысячелетнего глубоко христианского воспитания народа, а свободолюбие и склонность к бунту – это результат трагического исторического опыта, который часто ставил русский народ в самые безвыходные ситуации, разрешить которые можно было только чрезвычайным усилием воли. Эти две черты всегда сочетаются парадоксально и неожиданно, что и делает русскую историю трудной, непредсказуемой и величественной. Парадоксальная суть русской истории, ее особое нравственное подвижническое содержание составляют сакральную «тайну». Об этом поэт пишет прямо, обращаясь к воображаемому «всемирному» будущему:

Как разрешит потомство эту тайну,
Сказать сегодня не берусь,
Но знаю: в парках будущего встанет
Среди цветов эмблема счастья: Русь...

Если посмотреть на эти строки в контексте русской поэзии, то станет очевидно, что назвать Русь «эмблемой счастья» мог только очень смелый поэт, способный порвать с глубоко укоренившимися традициями ее восприятия. И особенно трудно это было сделать в советское время, когда «канон» поэтического восприятия Руси были образы поэзии Н. Некрасова, неизменно рисовавшего родину едва живой беспросветной страдальцей. Счастье здесь могло быть связано только с надеждой на будущее. В полном разрыве с этой традицией И. Сельвинский показал счастье именно как «станцию» русской истории. Здесь *Россия становится экзистенциальным символом полноты человеческого бытия*. Эта тема еще более полно раскрыта в лирике Б. Пастернака.

В стихотворении «Неоглядность» общий экзистенциальный аспект историософской темы России приобретает особую метафизическую глубину, поскольку здесь *Россия понимается не только как страна, но как символ – как Родина духа и души, преображающая самого человека и служащая источником высшего вдохновения*. Особенно ярко это выражено в ключевой поэтической «формуле»:

И русская судьба безбрежней,
Чем может грезиться во сне,
И вечно остается прежней
При небывалой новизне.

Россия здесь поэтически осмыслена как символ бесконечного преобразования человека на пути к идеалу, как страна духовного подвига и душевного совершенствования. Такой поэтический взгляд стал возможен только благодаря особым творческим принципам Б. Пастернака. В.С. Баевский предложил трактовать поэтику Б. Пастернака сквозь призму понятия «остранение», введенного в научный обиход В.Б. Шкловским в статье 1919 г. «Искусство как прием». В.С. Баевский пишет: «антисимволистская идея остранения была близка им обоим» [2. С. 11]. Действительно, нужна большая сила художественного остранения для того, чтобы образ страны приобрел такое метафизическое измерение.

Однако остранение как художественный прием не было у Б. Пастернака чем-то самодовлеющим, но подчинялось высокой цели творчества. В письме к Н. С. Родионову от 27 марта 1950 г. Б. Пастернак отмечает, что «новый род одухотворения в восприятии мира и жизнедеятельности, то новое, что принес Толстой в мир и чем шагнул вперед в истории христианства, стало и по сей день осталось основой моего существования, всей манеры моей жить и видеть (...) вопреки всем видимостям историческая атмосфера первой половины XX века во всем мире – атмосфера Толстовская» [6. С. 340]. В этой творческой исповеди поэта ясно указано на «новый род одухотворения» как на высшую цель творчества, завещанную Л. Толстым. Создавая целостный образ России, Б. Пастернак в полной мере воплотил эту цель в романе. Б. Соколов отмечает, что в «Докторе Живаго» поэт хотел в первую очередь «показать всему миру величие и безграничность русской души» [9. С. 7]. В этом контексте стихотворение «Неоглядность» можно рассматривать как своего рода поэтический «конспект» будущего романа, его поэтическое «зерно».

Родина – Россия – Вдохновение здесь становятся поэтическими синонимами общей жизни, непрерывности исторического процесса, связывающего дела разных поколений в самых разных сферах жизни в непрерывность народного подвига: «И на одноименной грани / Ее поэтов похвала, / Историков ее преданья / И армии ее дела. / И блеск ее морского флота, / И русских сказок закрома, / И гении ее полета, / И небо, и она сама». Поэт не останавливается на таком обобщенном образе, а персонифицирует его, изображая известных русских героев, чьи славные имена вернулись из забвения:

И вот на эту ширь раздолья
Глядят из глубины веков
Нахимов в звездном ореоле
И в медальоне – Ушаков.

Вся жизнь их – подвиг неустанный.
Они, не пожалев сердец,
Сверкают темой для романа
И дали чести образец.

Последняя строфа создает своего рода «иконический» образ России в ее героях-подвижниках. Характерно, что уже позже, в 2001-2004 годах адмирал Ф. Ушаков был канонизирован Русской Православной Церковью как святой праведник – и это подтвердило поэтическую интуицию Б. Пастернака, увидевшего его в медальоне – прообразе иконы. Россия в целом видится поэту посредством базовой метафоры «ширь раздолья», на которую «глядят из глубины веков» ее праведники и герои – и тем самым, этот вневременной взгляд и эта ширь, пересекаясь, создают пространство нового исторического бытия, которое черпает силы в глубинной национальной традиции.

Обобщая краткое рассмотрение этой важной страницы истории русской поэзии XX в., следует отметить ее парадигмальность для историософского понимания России, что обуславливает актуальность этих произведений во времена, требующие консолидации национального самосознания. Рассмотренные тексты И. Сельвинского и Б. Пастернака отличаются классической ясностью. Они написаны в тот период, когда оба поэта завершили свои модернистские искания и вернулись к классической традиции. При этом формирование патриотического чувства происходило параллельно с возвращением к классической поэтике, что и знаменовало переход к традиционному мировосприятию как к базовой ценности культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альфонсов В.Н. Поэзия Бориса Пастернака. Монография. Л.: Сов. писатель, 1990. 368 с.
2. Баевский В.С. Остранение: К поэтике Бориса Пастернака. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2013. 56 с.
3. Бражников И.Л. Русская литература XIX–XX веков: историософский текст: Монография. М.: Прометей, 2011. 242 с.
4. Быков Д.Л. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2007. 893 с.
5. Гиндин С.И. Сонетный эпос Ильи Сельвинского // Наше наследие. № 99. 2011. С. 21-29.
6. Пастернак Б. Письмо к Н.С. Родионову от 27 марта 1950 г. // Пастернак Б. Об искусстве. М.: Искусство, 1990. С. 339-340.
7. Прокофьева О.С. Идеи и образы лирики И. Сельвинского: дис. ... канд. филол. наук. Фрунзе: КГУ им.50-летия СССР, 1984. 202 с.
8. Резник О. Палитра поэта // Сельвинский И. Собрание сочинений в 6 томах. Т. I. М.: Художественная литература, 1971. С. 5-38.
9. Соколов Б. Кто Вы, доктор Живаго? М.: Яуза, 2006. 352 с.
10. Эндель М. Сквозь шалый ералаш: неизвестное письмо и стихотворение Ильи Сельвинского. URL: <http://booknik.ru/yesterday/pisma-velikih/skvoz-shaly-j-eralash-neizvestnoe-pis-mo-i-stixotvorenie-il-i-sel-vinskogo/>

Поступила в редакцию 27.04.2018

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко
91002, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: vera_darenskaya@mail.ru

V.N. Darenskaya

THE HISTORIOSOPHICAL SYMBOL OF RUSSIA IN SOVIET POETRY OF 1940-IES

The article analyzes the image of Russia as a sacred Motherland in the works of the leading Russian poets of the 1940-ies, who not only assigned the war theme with this image but also elevated it up to a historiosophical symbol. The author of the paper discusses the work of I. Selvinsky (the poem "To Russia" and the prologue to the dramatic trilogy "Russia") and Boris Pasternak (the poem "Neogliadnost"). The importance of this page of the history of Russian poetry of the twentieth century, its paradigmatic sense for historiosophical understanding of Russia are shown. The considered texts of I. Selvinsky and B. Pasternak is distinguished by classical clarity. They are written at a time when both poets finished their period of modernist creativity and returned to a classical tradition. A return to patriotic consciousness occurred in parallel with a return to classical poetics – these are the two components of the same process of transition from "revolutionary" to traditional consciousness.

Keywords: Russia, historical philosophy, symbol, sacred Motherland, Ilya Selvinsky, Boris Pasternak.

REFERENCES

1. Al'fonsov V.N. Pojezija Borisa Pasternaka. Monografija [The Poetry of Boris Pasternak. Monography]. Leningrad: Sov. pisatel' [Sov. writer], 1990. 368 s. (In Russian).
2. Baevsij V.S. Ostranenie: K pojetike Borisa Pasternaka [cutting: to the poetics of Boris Pasternak]. – Smolensk: Izd. SmolGU [Publishing house of Smolensk state University], 2013. 56 s. (In Russian).
3. Brazhnikov I.L. Russkaja literatura XIX–XX vekov: istoriosofskij tekst: Monografija [Russian literature of the XIX–XX centuries: historiosophical text: Monography]. M.: Prometej [Prometheus], 2011. 242 s. (In Russian).
4. Bykov D.L. Boris Pasternak [Boris Pasternak]. – M.: Molodaja gvardija [Young guard], 2007. 893 s. (In Russian).
5. Gindin S.I. Sonetnyj jepos Il'i Sel'vinskogo [Sonet epos of Ilya Selvinsky] // Nashe nasledie [Our heritage]. № 99. 2011. S. 21-29 (In Russian).
6. Pasternak B. Pis'mo k N.S. Rodionovu ot 27 marta 1950 g. [Letter to N. S. Rodionov from March 27, 1950] // Pasternak B. Ob iskusstve [Pasternak B. On art]. M.: Iskusstvo, 1990. S. 339-340 (In Russian).
7. Prokof'eva O.S. Idei i obrazy liriki I. Sel'vinskogo. Diss. na soisk. uch. ctepeni kandidata filologicheskikh nauk [Ideas and images of the lyrics of I. Selvinsky. Diss. on competition of a scientific degree. academic degree of candidate of philological Sciences]. Frunze: KGU im.50-le-tija SSSR [Frunze: KSU named after 50 years of USSR], 1984. 202 s. (In Russian).
8. Reznik O. Palitra pojeta [Palette of a poet] // Sel'vinskij I. Sobraenie sochinenij v 6 tomah. T. I [Selvinsky, I. Collected works in 6 volumes. Vol. I]. M.: Hudozhestvennaja literature [Fiction], 1971. S. 5-38 (In Russian).

9. Sokolov B. Kto Vy, doktor Zhivago? [Who are You, doctor Zhivago?] M.: Jauza, 2006. 352 s. (In Russian).
10. Jendel' M. Skvoz' shalyj eralash: neizvestnoe pis'mo i stihotvorenie Il'i Sel'vinskogo [Through Wal jumble: an unknown letter and a poem by Ilya Selvinsky]. URL: <http://booknik.ru/yesterday/pisma-velikih/skvoz-shaly-j-eralash-neizvestnoe-pis-mo-i-stixotvorenie-il-i-sel-vinskogo/> (In Russian).

Received 27.04.2018

Darenskaya V.N., Candidate of Philosophy, Associate Professor
Lugansk National Agrarian University
Oboronnaya st., 2, Lugansk, 91002
E-mail: vera_darenskaya@mail.ru